

Язык и стиль

«Лесков характеризуется своим стилем едва ли не больше, чем своими взглядами и сюжетами», — писал журнал «Труд». И сам Лесков всегда считал, что «человек живет словами» и полнее всего изображается своей произвольной речевой характеристикой. Внутренний мир своих героев он любил определять по складу их говора: один имел речь тупую и невразумительную — характер его замкнутый и угрюмый; другой «говорил с таким хитрым извитием слов, что удивляться надо было его речи», — зато и характер имел «легкий и увлекательный».

В этом — целая поэтика, целая система писательской работы. В этом — основы характеристики Лескова. Он бесповоротно осуждает тех писателей, после чтения которых «нельзя припомнить отдельной ярко очерченной сцены людей с самостоятельными головами». Живая лексика — вернейший путь в психологию образа. Писатель должен овладеть голосом и языком своего героя. Это и есть «постановка дарования в писателе» — основная и первоочередная задача для художника слова. Разрешить ее нелегко. Звучащую речь усвоить труднее, чем книжную, говорил Лесков. Язык настоящих художников слога, то есть писателей, владеющих живой, а не литературной речью, создается в результате упорной выучки, строгой школы и непрерывного «огромного труда».

Так создавался и язык Лескова. Он выработывался на основе большого жизненного опыта, путем длительных напластований, в сложном процессе постепенного усвоения различных диалектов, многообразных стилевых систем и словесных приемов, в том непрерывном творческом потоке, каким всегда является речь великого писателя. Он слагался под влиянием разнообразнейших источников и воздействий, принимая в свой состав всевозможные смеси и окраски, постоянно эволюционируя и видоизменяясь. Полнее всего законы стиля Лескова выступают из истории образования его языка.

Лесков — орловец. Своеобразие русского языка в его местных образованиях он начал воспринимать с ранних лет. С детства много общавшийся с крепостными и дворовыми, рано полюбивший народные сказания и песни, Лесков хорошо усвоил необычный язык своего родного края и широко им пользовался в своих произведениях. «Птичка коростель по-нашему, по-орловски, дергач зовется», разъясняет он читателю. «Метель по-орловски кура», «башмаки по-орловски черевички», «подлет» по староорловски то же, что в Москве «жулик» или в Петербурге «мазурик».

Лескова пленяли и народные обороты речи его родных мест.

«В Орловской и Тульской губернии, — сообщает он в одном из своих писем, — крестьяне говорят удивительно образно и метко. Так, например, баба не говорит о муже “он меня любит”, а говорит “он меня жалеет”. Стоит вдуматься, и вы увидите, как это полно, нежно, точно и ясно.

К детским годам писателя относится близкое знакомство с древними книгами и тем славяно-русским стилем, который лег в основу его повествовательной прозы: «от себя самого я говорю языком старинных сказок и церковно-народным в чисто литературной речи». В некоторых работах Лескова правильно отмечалась густая окрашенность его языка славянизмами, например, в составных эпитетах («огнепалящий»), в намеренно архаических, но стильных выражениях, таких как «суемудрие», «велеречие» и пр.

К впечатлениям детства относятся столь детально развернутые впоследствии Лесковым сведения о происхождении фамилий русского духовенства. В 1870-х годах он излагал эту систему, состоящую из шести категорий: от праздников (например, Рождественский), от древних мужей (Платонов), от свойств духа (Любомудров) и пр.

К этому же источнику восходит интерес Лескова к старинным русским именам, таким как Пересвет, Ростислав, Боголеп, Воин, Разумник, Рогнеда. «Об исчезновении та-

ких приятных и звучных чисто русских имен очень стоит пожалеть», – писал он в 1880-х годах.

К орловским годам относится начало знакомства Лескова с особым служебным жаргоном — с канцелярским языком прошений, жалоб, протоколов, следственных документов, приговоров, с которыми он постоянно имел дело в качестве служащего орловской палаты уголовного суда. Во многих произведениях Лескова, где речь идет об уголовщине, полиции, воинских делах, департаментском производстве и пр., сказывается знаток канцелярского стиля николаевской эпохи.

Собственно литературная речь Лескова слагалась под влиянием страстного чтения, которому рано отдался будущий писатель. Так, А. Вельтман, оказавший столь заметное влияние на повествовательную манеру Лескова, еще сильнее влиял на него своим сложным «игровым» языком, полным пародийных элементов, каламбуров, слов из летописей, отголосков профессиональных жаргонов и научных терминологий, особенно из области археологии, славяноведения, фольклора, языкознания и древней истории.

Из русских поэтов Лесков в молодые годы ценил Бенедиктова, который мог оказать некоторое воздействие на формирование его литературного языка. Бенедиктов — один из немногих поэтов той поры, писавших о филологии.

Широко обогатился язык будущего писателя за годы его жизни в Киеве. Он полюбил украинский говор, который нередко целым потоком вводил в свои рассказы и повести, переплетая его с русским и создавая чрезвычайно живую, яркую и забавную словесную смесь; в этом направлении он пошел гораздо дальше Гоголя, придав некоторым своим созданиям густой колорит Полтавщины или Киевщины. В эту же пору Лесков хорошо овладел польским языком, что ввело в его прозу ряд польских цитат и выражений.

В киевские годы сказалось еще одно воздействие «звучащей речи» на его повествовательный стиль. На юго-западе в русские говоры проникло много слов еврейско-немецкого жаргона, преимущественно из области торгового быта, профессий, обрядов, праздников, пищи и пр. (например, балагула, гой, кабала, капцан, пейс, маца, шабаш, фанаберия и пр.).

Наконец, к киевским годам относится близкое общение Лескова с учеными-медиками. Это вызывает в нем интерес к медицине и даже увлечение врачебным искусством, что, в свою очередь, обогащает его язык целой новой отраслью терминов и выражений.

С переездом в Петербург Лесков воспринимает новые языковые стихии в связи с возникающими интересами и общением с различными профессиональными кругами, это: 1) политическая экономия, 2) литературно-художественная богема, 3) раскол, 4) народничество Мельникова-Печерского (а через него и Даля).

Обильную пищу творчеству молодого Лескова дают публикации Даля, которые воспринимаются писателем как важнейшая литературная школа. Занимательный рассказ, бытовая картина, анекдот, сказка, народное поверье — все это выражалось у Даля шутивым языком балагура, витиеватым и насмешливым, расцвеченным игривыми прибаутками и переходящим подчас в рифмованную и метризованную прозу.

«Словцо бывает красное, называемое по-русски анекдотом, – писал Даль, – бывает острое, отрезное, если кстати сказано; оно бывает и вещь у того, кто далеко вперед видит. Наше слово будет просто словцо русское...»

Все это отвечало склонностям и вкусам Лескова и, несомненно, формировало его стиль. В частности Даль был мастером в области так называемой народной этимологии (то есть комического искажения интеллигентской речи, иностранных слов имен собственных), чем позднее прославился Лесков. Широко разработана в беллетристике Даля и проблема индивидуального стиля самого рассказчика, словесная характеристика персонажа, излагающего новеллу, речевой профиль героя-повествователя, — то, что получило впоследствии наименование «искусства сказа». Лесков принял этот прием и разработал его до тонкостей. Высокое стилистическое мастерство проявлено им в словесно типиче-

ских монологах каменщика-раскольника («Запечатленный ангел»), странствующего послушника («Очарованный странник»), крепостной актрисы («Тупейный художник»), раешного балагура («Левша») и др.

Ценный вклад в стилистику Лескова внес современный ему Париж. Он много дал писателю для дальнейшего обогащения его сложной, пестрой и забавной словесной системы. Сам Лесков в то время не владел свободно французским языком, почему и вращался в Париже преимущественно в русской колонии или в близких ей кругах. Отсюда остро схваченный писателем особый французский язык — особый, смешанный, неправильный, гибридный лексикон, беззаконный, но выразительный и веселый.

Лесков нашел здесь обильную сокровищницу для комических эффектов своего потешного диалекта, стилизующего для шутки подлинные данные действительности. Таковы его «до свиданс, до свиданс, — же але о контрданс»; «пур для дам».

Возникший в Киеве интерес Лескова к старинным фрескам и реставраторству заметно оживляется в начале 1870-х годов, когда он изучает ряд специальных исследований по вопросам церковной археологии, составляет у себя небольшое, но систематизированное собрание икон, складней, миниатюр, общается с такими народными иконописцами, как «искусный мужик» Никита Рачейский, и в беседах с ним о его мастерстве набрасывает первые этюды к «Запечатленному ангелу». Отсюда особая терминология рассказа, совмещающая восхищенную речь раскольничьего ценителя и собирателя древних образов с профессиональным словарем их умелого производителя и реставратора. Лесков несомненно изучал старинные руководства для иконописцев или так называемые «подлинники», из которых заимствовал некоторые рассуждения знатоков живописи в «Запечатленном ангеле» (например, о том, что иконописец не обязан рабски копировать оригинал, а может свободно разрабатывать его по своему разумению и вдохновению).

К середине 1870-х годов язык Лескова в основном сложился. Писатель, конечно, и в дальнейшем будет расширять и пополнять свои лингвистические запасы различными профессиональными, ремесленными, художественными или иными говорами, но это уже будет расширение материала, а не изменение принципа, положенного в основу стиля, подготовленного огромным жизненным опытом, тщательно продуманного и прилежно организованного. Пройдя сквозь множество профессий, объездив огромные пространства своей родины, побывав за рубежом — в Кракове, Праге и Париже, превратившись в коллекционера, библиофила и собирателя рукописей, постоянно продолжая общение с разнообразнейшим людом — от странников, офеней, продавцов Александровского рынка до знаменитостей современной литературы, науки и искусств, петербургских сановников и высших военных, Лесков создал свой словарь великорусского языка с его местными говорами и пестрыми национальными отличиями, открывающими широкий путь новому живому словотворчеству. Можно полагать, что из русских писателей Лесков оставил в своих книгах один из самых богатых языковых словарей.

Постоянная тяга к расширению и обогащению своей лексики рано обращает Лескова к особой игре со словом, — к искусственному экспериментированию над его составом, к свободным и смелым терминологическим вариациям, которые в некоторых случаях уже граничат с подлинным речевым новаторством или настоящим словотворчеством. В этом направлении Лесков охотно прибегает к особому приему деформации правильной литературно-разговорной речи как бы от лица малообразованного человека. Строится своеобразный полуграмотный язык на тему историческую, политическую, художественную, ученую, полную специальных терминов и имен и открывающую возможность метких, острых и забавных замен, иногда весьма рациональных, логичных и звучных. Так, «Левша» мог бы дать материал для целого словарика чисто лесковских неологизмов-искажений. Мы встречаем здесь двухсестную (то есть двухместную) карету, буреметр (барометр), нимфозорию (инфузория), мелкоскоп (микроскоп), верояцию (вариация), свистовые (то есть вестовые) казаки, тугамент (документ), студинг (пудинг) и затем в огромном изобилии: валдахин, ажидация, безрассудок, долбица умножения, Тверди-

земное море и пр. Весь эффект рассказа построен на комических неожиданностях этой рассчитанно искаженной речи.

Так на основе деформации обычных норм установленной и общепринятой речи строил Лесков наиболее изощренные и многокрасочные страницы своих книг.

Богатство лесковской речи проистекает из обычного принципа построения его фабул. Описание предметов или воспроизведение процессов их обработки не перестает питать его язык обильным и свежим материалом. Изображение различных профессиональных занятий приводит к такому же конкретному насыщению стиля. Псовая охота, коневодство, актерское искусство, иконопись, артельные промыслы, ювелирно-гравильное мастерство – все это вносит свое пестрое и своеобразное словарное содержание в ткань его рассказа.

Так, в «Очарованном страннике» господствует сказ инок-коневода, прихотливо сплетаясь с говором цыганки. В «Запечатленном ангеле» замечательно развернут язык каменщика, мужика, старовера, вращающегося в среде грамотеев, среди книжников, начетчиков и почитателей библейских сказаний.

Общая литературная манера Лескова, одинаково присущая его крупным и малым писаниям, представляет собою как бы сочетание мемуаров, автобиографий, критико-художественных опытов, размышлений об искусстве, развернутых анекдотов и занимательных диалогов, расцвеченных подчас всевозможными наречиями и жаргонами с варваризмами, неологизмами, обильной технической терминологией и богатым лексиконом забавных вымышленных слов, придающих особый колорит пестроты и веселости этой напористой, выделанной и неповторимой речи. Если нередко этот поток слов и выражений как бы выходил из своих берегов, следует признать, что в ряде случаев Лесков проявлял себя мастером лаконической выразительности. Нередко он достигал замечательной экспрессии и живописности при предельной краткости описания. Такова зарисовка цыганки в «Очарованном страннике»:

«Даже нельзя ее описать как женщину, а точно будто как яркая змея, на хвосте движет и вся станом гнется, а из черных глаз так и жжет огнем».

Или умиленный тон странника:

«Я сейчас узнал, что это поет приятный левонтиев голос и поет с таким чувством, что всякое слово будто в слезах купает».

Словесная стильность таких формул и интонаций на высоте большого литературного мастерства.

Таковы основы сложной стилистики Лескова. Трудолюбие писателя-лингвиста так же не подлежит сомнению, как и его выдающаяся филологическая одаренность. В результате сочетания этих начал создавался его многокрасочный и многоголосый «забавный русский слог». Лесков сумел создать живое и органическое целое из разнородных говоров и наречий, воспринятых им на всем извилистом пути его житейских странствий. Деревня и город, канцелярия и монастырь, хата и юрта, университет и редакция, географическое общество и конная ярмарка, раскол и гетто, полк и курорт, студия и министерство, Аввакум и «Северная пчела» — все это не только вошло в его богатейшую лексику, но сплавилось в ней новым блестящим и крепким составом. Лесков не переставал сочетать всевозможные жанровые контрасты в широком и полноводном потоке своего языка. Затея была рискованной и опасной, грозила крушениями и долгое время вызывала тревожные и возмущенные окрики критики. Но писатель знал свой путь и вышел из борьбы за стиль победителем.

Неудивительно, что Горький так настойчиво призывал молодых писателей учиться литературной технике и языку у Лескова наряду с Гоголем, Тургеневым и Толстым.

По Л. Гроссману